

Стена радости

Скульптор Николай Никогосян признался в любви к жизни

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Вчера в Малом Манеже открылась выставка прославленного армянского скульптора и художника Николая Никогосяна, чей творческий взлет начался сразу по окончании Отечественной войны и продолжается по сей день. На вернисаже 87-летний мастер подчеркнул, что его всегда вдохновляли две вещи – русская культура и женщины.

А ктеру Валерию Золотухину выпала на открытии непростая миссия – он зачитал приветственное слово к собравшимся от виновника торжества. При том что сам Николай Никогосян стоял рядом и дружелюбно хлопывал Золотухина по плечу. Зал уже приготовился выслушать очередную порцию благодарностей родной Армении, русским учителям (Матвееву и другим великим ваятелям советского времени – почти со всеми Никогосян так или иначе соприкасался) и московскому правительству, организовавшему выставку. Но вдруг неожиданно в послании зазвучали другие ноты: «Мне уже 87 лет. Я тороплюсь сделать все, что еще возможно успеть. Мой отец, дожив до 87 лет, не увидел смысла в своей жизни и покончил с собой. Искусство дает мне этот смысл, желание жить и работать». По трем залам Манежа разлилась волна искренних чувств, которой сильно не хватало всем, кто видел в Никогосяне прежде всего советского мастодонта, посланца союзной страны, по количеству скульптур едва ли не обошедшего грузина Церетели. Примерно в том же ключе говорил и председатель Союза журналистов Всеволод Богданов: «Мне непривычно видеть Николая Багратовича в таком окружении. Обычно мы просто собираемся дружной компанией: он необыкновенный хлебосол. И всегда окружен прекрасными женщинами».

Что касается прекрасных дам, в них на вернисаже недостатка не было. Целая стена третьего зала – стена мужской радости – отдана картинам с обнаженными натурщицами, среди которых и типично армянские девушки, и русские барышни, и даже темнокожие красавицы из Мали. Вкупе с деревянными «Евами» они перекрыли те официальные монументы, что установлены в первом зале. Среди официальных работ известны его скульптуры на сталинских высотах (например, на здании МГУ) или фигуры поэтов. Впрочем, неудавшийся танцор Никогосян (он, как выяснилось, мечтал быть балетным танцором, но отец запретил) всегда тяготел не к академической советской классике, а к поэтическому высказыванию в стиле авангардных течений начала XX века. В его манере была раскованность лепки Трубецкого и смелость живописцев «Бубнового валета». Не случайно больше всего его вдохновляли образы поэтов, ученых и музыкантов (здесь имеются отличные бюсты Шостаковича и Капицы). В советское время это списывали на «национальный колорит». Сегодня списывать уже ни на что не надо.



АЛЕКСАНДР ЯНОВ

Николай Никогосян заслужил почестей не меньше, чем Церетели.